

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 808.2-2+659.123.1

**Крицкая
Наталья Викторовна**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
«РУССКИХ» ПОЭМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.02 – русский язык

Минск, 2008

Работа выполнена в Учреждении образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Научный руководитель – **Маслова Валентина Авраамовна**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского
языкознания УО «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Официальные оппоненты: **Михневич Арнольд Ефимович**,
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научно-
исследовательского отдела Частного
института управления и предпринимательства

Мельникова Лариса Алексеевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языкознания имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси

Оппонирующая организация - УО «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»

Защита состоится «16» мая 2008 г. в 14 часов на заседании совета по
защите диссертации Д 02.01.11 при Белорусском государственном универ-
ситете по адресу: 220030, Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62, телефон уче-
ного секретаря 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Бе-
лорусского государственного университета

Автореферат разослан «11» апреля 2008 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

И.Э. Ратникова

Изучение языка «русских» поэм Марины Цветаевой актуально потому, что, по наблюдениям исследователей, именно с 20-х гг. XX в. начинается «перелом» в ее языке: из него быстро уходит легкость, прозрачность и формируется новый язык с необыкновенной многоплановостью слова, игрой сложнейшими ассоциациями, насыщенной звукописью, «рваным» синтаксисом, сбоем ритма и т.д. Следовательно, в анализируемых поэмах начинают использоваться все основные выразительно-изобразительные средства, которые станут ведущими чертами идиолекта М. Цветаевой с 30-х гг. XX в.

М. Цветаева обратилась в «русских» поэмах к фольклору, бережно сохраняя веками накопленный культурный опыт народа, в том числе языковой. Несмотря на значительное переосмысление ею русской фольклорной традиции, поэмы позволяют получить представление о некоторых особенностях архаического славянского мировидения. Сходный образ мира мы видим в творчестве белорусских поэтов-современников В. Жилки и В. Дубовки, которые также были творцами нового белорусского поэтического языка.

Восприятие «русских» поэм М. Цветаевой требует знания не только реалий действительности, русского фольклора, но и культуры, что определяет необходимость построения лингвокультурологической поэтики, как дополнение к лингвопоэтике.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертационное исследование выполнено на кафедре общего и русского языкознания УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» в рамках комплексной научной темы НИОКТР «Человек – язык – культура» (14.01.2004 г.), включенной в государственную программу фундаментальных исследований (государственный регистрационный номер 200467), и в рамках комплексной научной темы НИОКТР «Дискурсивные практики в Беларуси и речевое поведение как социальный и культурный феномен: межкультурный аспект» (05.06.2006 г.), включенной в государственную программу фундаментальных исследований (государственный регистрационный номер 20061318). Диссертация выполнена в русле исследований, посвященных изучению поэтического языка (Л.М. Богославская, М.Л. Гаспаров, В.Ю. Александрова, О.Г. Ревзина, К.Э. Штайн, Е.Г. Эткинд), а также цветаеведения (Л.В. Зубова, С. Ельницкая, В.А. Маслова и др.).

Цель исследования – определить специфику рече-языковых средств и приемов «русских» поэм М. Цветаевой, новаторство и традиции в использовании языка, найти аналогии языкотворчества в белорусской поэзии

этого периода, установить основные характеристики лингвокультурологической поэтики «русских» поэм.

Для достижения цели ставились и решались следующие **задачи**:

- 1) определить место «русских» поэм М. Цветаевой в языковом, лингво-поэтическом и национально-культурном контексте эпохи;
- 2) установить основные способы авторских образований;
- 3) выявить специфику ритма и рифмы «русских» поэм в их интертекстуальных связях;
- 4) раскрыть фонетические, морфологические, синтаксические и пунктуационные особенности «русских» поэм;
- 5) охарактеризовать тропы и фигуры речи, лежащие в основе лингвопоэтики М. Цветаевой и ее идиостиля;
- 6) сопоставить инновационные языковые процессы в русской и белорусской поэзии 20-х гг. XX в.

Объектом исследования являются поэмы «На Красном Коне», «Переулочки», «Молодец», «Царь-Девница», объединенные М. Цветаевой в цикл «русских» поэм, которые до сих пор в совокупности не исследовались. Выбор объекта исследования обусловлен недостаточной изученностью как поэтического языка в целом, так и языка М. Цветаевой 20-х гг.

Предмет исследования – лингвистическая поэтика «русских» поэм М. Цветаевой, ее идиостиль, особенности функционирования языковых средств; преемственность в поэтических идиолектах современников поэта – белорусов В. Жилки и В. Дубовки.

Положения, выносимые на защиту

1. Теория лингвокультурологической поэтики, являющейся продолжением и дополнением к лингвопоэтике, предполагает констатацию и объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры. Культура проникает в «русские» поэмы М. Цветаевой различными способами: 1) через фольклорный материал; 2) через энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в сознании читателя посредством интертекстуальных связей; 3) через ритуально-мифологическое раскрытие темы, что становится приемом создания особого поэтического мира; 4) через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности; 5) через многомерную семантику поэтического слова, в том числе – национально-культурные коннотации.

2. Важную роль в структуре «русских» поэм играют интертекстуальные связи. Прежде всего – это связь с фольклором. Так, источниками поэм

«Царь-Девица» и «Молодец» являются народные сказки из собрания А.Н. Афанасьева. Установлено, что М. Цветаева опирается также на другие народные тексты: заговор, колыбельная, элементы частушек, лирических песен, свадебные обрядовые песни. В основе поэмы «Переулочки» лежит былина о богатыре Добрыне и ведьме Маринке. В поэме «На Красном Коне» не были использованы фольклорные сюжеты, так как это сказка, созданная самой М. Цветаевой, но языковые средства и приемы, сама сказочность поэмы – фольклорная. Таким образом, интертекстуальные связи поэм прослеживаются не только на уровне сюжетов, но и в плане использования языковых средств и приемов. Интертекстуальный анализ позволяет установить целые культурные пласты в «русских» поэмах – от русских сказок, былин, ритуальных плясок и действий до европейских сказочных сюжетов (например об упырях).

3. Особое место в создании художественных образов в «русских» поэмах занимают ритм и рифма. М. Цветаева – один из самых ритмически богатых поэтов, и это богатство берет начало именно в анализируемых поэмах. В них впервые разрушается плавность и гармония привычных для слуха ритмов, появляются внезапно обрывающиеся фразы, неожиданные ускорения речи, значимые паузы. В целом ритмику поэм определяет прием, который может быть назван чередованием стремительности и замедленности.

4. Для «русских» поэм характерна сильная актуализация фонетического значения, которая отсутствовала в раннем творчестве М. Цветаевой и начинает формироваться в «русских» поэмах, а затем как прием расцветает в позднем ее творчестве. Поэтическое слово М. Цветаевой отличается триединством звука, смысла и словесного знака: звук создает слово и вместе с ним рождает смысл; звук усиливает и проявляет семантику слова: *Есть страж – в раю, / Не-наш – в аду, / Земля – внизу, / Судьба – вверху.* Во всех анализируемых поэмах в языке сочетаются фольклорные элементы и приемы с индивидуально-авторскими: уменьшительно-ласкательные суффиксы, постоянные эпитеты, синтаксический параллелизм (фольклорные) – с лексическими и лексико-синтаксическими окказионализмами, часто созданными по народной модели, «цветаевскими» эллиптическими конструкциями, ускоряющими и усложняющими сюжет. Особая поэтика грамматических средств заключается в следующем: М. Цветаева композиционно соединяет глагол с существительным, наречие с существительным, существительное с существительным (*глотка-пересохла-гортань, силком-натиском, брык-скок-бег-лет*), это своеобразный морфологический син-

кретизм, реализующий древнюю языковую тенденцию. В «русских» поэмах происходит своеобразный обмен грамматическими категориями: существительное приобретает степени сравнения (*морее*), глагольные окончания (*головит*); от глаголов образуются окказиональные существительные (*ликователь, затейство*) и наречия (*кидом*) и т.п.

5. Языкотворчество М. Цветаевой тесно связано не только с ее идиостилистикой, но и с эпохой (революцией, гражданской войной), давшей толчок быстрому развитию национальных языков, побудившей и белорусских поэтов – современников М. Цветаевой – к языкотворчеству. Общими для данных поэтов являются окказиональный характер использования элементов словообразовательной системы языков, особенно богатое в области номинации, уникальность ассоциативных привязок и коннотативных значений, новая звуковая семантика: *Снег, завея; вецер вее, / Круціць, дзьме / Візар гонкі, гучны, звонкі / Ё белай цьме / Комам ліпка, снегам, снегам сыпка / Сее сеў / Носіць тайны, спеў адчайны, / Смерці спеў* (В. Жилка); *Ни косы-ни руна, / Ни реки-ни челна, / Две возжси, / Ямищчок, жгси! // И кони не ржали, И птицы не пели / В оконные ржави / Рассветные цвели // Не спи, крепись! / Взгляни на птиц* (М. Цветаева).

Личный вклад соискателя

Диссертация является результатом самостоятельной работы автора. Основные положения и выводы, изложенные в диссертации, получены соискателем самостоятельно, в соответствии с поставленными целями и задачами.

Апробация результатов диссертационного исследования

Основные положения и результаты исследования обсуждались на кафедре общего и русского языкознания УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (июнь 2006, октябрь 2006, март 2007), в форме докладов на X, XI, XII цветаевских международных научно-тематических конференциях (9-11 октября, Москва, 2002, 2003, 2004), на международных конференциях “Разноуровневые характеристики лексических единиц” (16-17 апреля, Смоленск, 2002, 2004), «Век и вечность: Марина Цветаева и ее адресаты» (30 июня – 2 июля, Череповец, 2003), “Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология” (15-17 мая, Витебск, 2003, 2006), «Проблемы истории литературы» (Новополоцк, 2004), “Гендер и проблемы коммуникативного поведения” (28-29 ноября, Новополоцк, 2002), “Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин” (26-27

марта, Мозырь, 2003), на международной конференции, посвященной памяти О.В. Озаровского (25-26 марта, Могилев, 2005).

Опубликованность результатов

Основные положения и результаты исследования изложены в 15 публикациях: 3 статья в рецензируемых изданиях (объемом – 1,4 авторских листа), 12 – в материалах докладов научных конференций (объемом – 2,6 авторских листа). Все публикации выполнены без соавторов.

Структура и объем диссертационного исследования

Структура и объем работы определяются поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографического списка, пяти приложений. 1-я глава посвящена проблеме дифференциации видов поэтики. 2-я глава включает в себя общую характеристику «русских» поэм М. Цветаевой, а также анализ ритма, рифмы, интертекстуальных связей. В 3-ей главе проводится комплексный анализ языковых средств. 4-я глава рассматривает особенности функционирования поэтического слова поэта. В особый раздел выделен сопоставительный анализ языка М. Цветаевой и белорусских поэтов В. Жилки и В. Дубовки. Полный объем диссертации – 267 страниц, библиографический список – 18 страниц, приложение – 138 страниц. Список использованных источников включает 271 позицию, список публикаций соискателя – 15 позиций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе «**Поэтика: виды, задачи, пути развития**» анализируются теоретические вопросы, связанные с термином «поэтика». Представлены краткие характеристики литературоведческой, лингвистической, семиотической поэтики, психопэтики, рассматривается необходимость создания лингвокультурологической поэтики как дополнение к лингвопоэтике.

Литературоведческая поэтика долгое время воспринималась учеными как целостная дисциплина, анализирующая строение литературных произведений и систему эстетических средств, характерных для тех или иных писателей, тех или иных литературных направлений (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, И.П. Смирнов, Б.В. Томашевский, Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум и др.).

Задача лингвопоэтики – показать те потенциальные смысловые и стилистические возможности, которые открывает в слове автор, а также выделить и систематизировать единицы языка, участвующие в формировании эстетического впечатления от произведения (В.В. Виноградов,

В.П. Григорьев, О.Г. Ревзина, И.И. Ковтунова, Е.В. Красильникова, Е.А. Некрасова, С.Т. Золян и др.).

В связи с бурным развитием семиотики, которая появилась в начале XX века и с самого начала представляла собой метанауку, особого рода надстройку над целым рядом наук, оперирующих понятием знака, можно говорить о развитии особой ее области – семиотической поэтики (М.-Р. Майенова, Е. Фарино, Ст. Жулкевский, Е. Пельц, А. Богуславский и др.).

Семиотическая поэтика вызывает огромный интерес у гуманитариев (Р. Барт, А. Греймас, Ю.С. Степанов, У. Эко и др.), однако в ее изучении много проблемного, спорного прежде всего из-за разнообразия семиотических идей. Семиотическая поэтика связана с когнитивной психологией и теорией познания: она продолжает развивать одну из основных идей современного языкознания – о языке как порождающей системе, создающей знаковые последовательности (тексты) и новые знаки в процессах общения и познания.

Еще одно направление в современной поэтике – психопоэтика (В. Пищальникова, Ю. Сорокин и др.). В настоящее время многие языковеды признают, что для более полного понимания некоторых фактов языка необходим выход за рамки лингвистики в сферу тех психических процессов индивида, посредством которых языковой материал организуется в человеческом мозгу и в нужный момент извлекается. Эти психические процессы и являются предметом психопоэтики.

Значительное место в данной главе отводится обоснованию необходимости особого, лингвокультурологического подхода к исследованию поэтического языка.

Лингвокультурологическая поэтика учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл. Такой вид поэтики помогает постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, помогает понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, сравнениях, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляется мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции.

Мы не ставим своей целью разработать методологию лингвокультурологического анализа – это задача будущего. Применяемый нами поуровневый анализ языковых средств, основанный на базе достижений структурной лингвистики, лишь в разной степени дополняется лингвокультурологическим анализом. Любой авторский текст, особенно художественный,

есть реализация языка автора, который необходимо понимать не только как индивидуальный язык, но и как отражающий определенный временной культурный срез. Поэтому в каждом произведении великого творца, который является гением нации, создается особый, созвучный его времени и культуре язык.

Важным показателем наличия культуры в тексте служат интертекстуальные связи. Ни один текст не может возникнуть на пустом месте и существовать самостоятельно, вне литературного, исторического и культурного контекстов. Интертекстуальные связи в «русских» поэмах – это как бы «следы культуры», которые были оставлены автором сознательно или неосознанно.

Вторая глава **«Русские» поэмы Марины Цветаевой как отражение языка и культуры русского народа** содержит общую характеристику четырех поэм, анализ их ритма и рифмы, полифонии, интертекстуальных связей.

«Русские» поэмы М. Цветаевой объединяются фольклорной фабулой и приемами поэтики, конструкцией фольклорных схем, народным языком («мольбою»), темой «огненного вознесения». Они зародились вместе с нарастающим интересом поэта к русскому фольклору.

Нужно отметить глубокое проникновение М. Цветаевой в культурную парадигму времени. «Русские» поэмы – сфера воплощения национального сознания, немаловажное значение в котором имеют национальные символы как носители русской культуры, например, *конь-погоня* – нераздельный образ в славянском языковом сознании, что нашло отражение в поэме: *Красен тот конь, / Как на иконе / Я же и конь, / Я ж и погоня.*

В ее творчестве важен следующий культурный миф – отказ от земного счастья, фатальное одиночество; это жертва, которую приносит поэт во имя творчества. Поэтический дар как будто предполагает одиночество, неизбежную разлуку; таковы героини ее «русских» поэм: и Царь-Девушка, и Маринка из «Переулочков», и Маруся из «Молодца».

Следовательно, «русские» поэмы – благодатный материал для исследования архетипических представлений человеческого опыта в культуре. В образной системе поэм господствует право на необычное видение явлений, на преувеличение, поэтому можно говорить, что, например, поэма «Переулочки» имеет два плана: фольклорно-бытовой, основа которого – соблазн доброго молодца девицей из Игнатьевских переулочков, и философско-символический, мистический – соблазн человеческой души небесным раем.

Все «русские» поэмы интертекстуальны, полифоничны, что усложняет их образную систему, становится проводником мысли и чувств автора, позиция которого диалогична как по отношению к лирическим героям, так и по отношению к читателю. При этом лирические герои ведут диалог не только между собой, но и с читателем, воздействуют на последнего как на суггестивном уровне (через полиметрии, повторы, незавершенности), так и на уровне прямого обращения к нему: *Ночь гонится – а путь таков: / Кровь в жилах сжата / Сын! Детище моих боков, – / Веди, вожатый! / Мужайся, отрок! – Дух Горы / Один – нас двое / Здесь только зори да орлы, / Да мы с тобою / Вихрь! – Боги бы вернулись вспять, / Орлам он страшен... / Ввысь, первенец! – За пядью пядь – / Высь будет нашей!* Здесь представлен диалог нескольких лиц: лирической героини и *отрока*, лирической героини и читателя, автора и лирической героини. Семантический повтор *гора, высь* – еще более усиливает стремление лирической героини вверх, в заоблачные дали.

Значительная роль в «русских» поэмах отводится паузе, которая у поэта становится полноценным элементом ритма. Обычно в стихах пауза совпадает с концом строки, но у М. Цветаевой она может быть где угодно, зачастую поэт просто обрывает речь на полуслове, сознательно оставляя стих неполным: *Пав да с па – вою... / – На – ли – // Ой – дай, ты – на... / О – на: «не зна – / ю, не помню...» // Барин звоном: / – Не в княжны беру, а в жены! / Же – на од – на! / Не – знаю... / На...*

Метрическая ткань «русских» поэм состоит из неравносложных строк, смежных ударений, в них выражена схема перекрестной рифмовки с чередованием мужской и женской рифмы: *Синь да синь – край села, / Рухнул дуб, трость цела / У вдовы у той у трудной / Дочь Маруся весела,* встречается чередование дактилической мужской, а также гипердактилической женской рифмы: *– Гуляй, гуляй, доченька, / Пока молода! / Бегут русы, / Бегут круты, / Шелком скрученные – / Эх!*; широко используется «новая рифма»: *Кто это вдруг – взмахом **плаща** / В воздух меня – **вскинул?** / Кто это вдруг – красным **всплеца** / Польшем – в огонь **синий?*** Часто поэт отказывается и от точной рифмы: *клонись – под свист*. В поэме «Царь-Девница» из 856 строк (100 %) в 182 строках (21 %) используется неточная рифма, в «Молодце» – из 660 строк с неточной рифмой 251 (38 %), в поэме «На Красном Коне» – из 72 строк 30 (59%), а в поэме «Переулочки» – из 95 в 53 строках (56 %) неточная рифма.

В третьей главе «**Языковые средства и приемы «русских» поэм Марины Цветаевой**» исследуются фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и пунктуационные особенности поэм.

Следуя традиции, мы проводим поуровневый анализ языка «русских» поэм. Важные для языка поэзии семантические особенности языковых знаков не выделяем в отдельный раздел, а сопровождаем элементами семантического анализа описания каждого уровня языка.

Слово в поэзии – это прежде всего звук. Цветаевская звукопись несет эмоциональную и смысловую нагрузку, как и повторы отдельных слов, морфем или слогов: *Уж и спех! / Уж и дых! / Одно сердце – на двоих!* Фонетическая упорядоченность переносится особым образом на слова, которые оказываются своеобразно семантически сгруппированными, а именно: к естественным семантическим связям добавляется «сверхорганизация» (термин Ю.М. Лотмана), соединяя не связанные между собой в языке слова в новые смысловые группы: *Чуть что не так – / И свет ей мрак, / И друг ей враг, / И царь – дурак... / Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!*

Ассоциативный эффект звуковых повторов, широко представленных в «русских» поэмах Марины Цветаевой приемами аллитерации и ассонанса, является не единственным проявлением экспрессивности средств фонетического уровня. Используя фонетические средства, поэт едва ли высчитывает количество согласных, чтобы создать нужную аллитерацию. Скорее всего, ритмико-фонетическая структура текста существует в сознании поэта как канва (вспомним цветаевское: «*знала отродясь*»), далеко не всегда осознаваемая как нечто специальное, оторванное от всей поэмы. Вероятно, существуют некое интуитивное знание законов поэтической речи, а это еще один аргумент в пользу влияния культуры на поэта.

Среди языковых явлений фоносемантического плана в «русских» поэмах М. Цветаевой следует назвать паронимическую аттракцию, которая рассматривается в нашей работе как контекстуальное сближение неродственных, но фонетически сходных слов.

Намеренное столкновение сходных по звучанию слов, различные формы звуковых повторов – неотъемлемые свойства стиля Цветаевой: *Крыльев плеск / Возле плеч / Воску треск / Жар от свеч // То не стон – / Струнный звон / То не сон – / Он // – Котел с лица! / – Рыжей лисы! / – Клянусь, лиса! / – Ей-ей, усы!* По результатам наших наблюдений можно заключить, что абсолютно прав был Ф. де Соссюр, сказавший: «Чтобы понять и усвоить смысл речи, нужно не вслушиваться в звуки, надо слушать их как знаки» (Соссюр 1977).

Изучение поэтического слова М.И. Цветаевой позволяет увидеть, как через систему индивидуальных новообразований проявляется мировоззрение поэта. Именно через новообразования она становится создателем собственного вербального мира.

Новообразования, с одной стороны, раскрывают многое в самой Цветаевой (творческий экстремизм, упорство, масштабность), а с другой – позволяют проследить обратную связь – факты биографии, общественные явления и явления культуры проливают свет на природу некоторых языковых поисков М. Цветаевой в области номинации. Например, обилие слов с приставкой *без-* было вызвано к жизни, начиная со второй половины 20-х гг., все нарастающим трагизмом мироощущения поэта: *бесхлебье, бесперстнаявая, бессолье, бессапожье, бессонье*. Цветаевские *без-* неожиданны и культурно-маркированы: *бесперстнёвая рука* («Царь-Деввица»), *бессердый сорняк, звонницы-бессоницы* («Переулочки»). В «русских» поэмах трансформируется стилистическая характеристика слова: народно-разговорные слова, широко используемые в русском фольклоре, становятся у М. Цветаевой не просто нейтральными, а возвышенно поэтическими.

В окказиональное словообразование включены все полнозначные части речи. Используются продуктивные и непродуктивные словообразовательные типы, расширяются скрытые возможности производящих основ: *урчба, хитростник* и т.д. М. Цветаева проводит эксперимент сродни научному: использует только те случаи, которые разрешены системой языка, но не востребованы, не делая при этом нарушений системы языка и она реализует эти невостребованные возможности языка. Так используются категория числа у существительных: *Как Царь меж вздыбленных зыбей // В оконные ржави // В свистах-в светлостях // Рассветные седи, / Рассветные сквози.*

Среди частей речи глагол занимает особое место, как «самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка» (Виноградов 1972: 337). Исследователи творчества М. Цветаевой назвали ее «безглагольным» поэтом, однако анализ «русских» поэм это полностью опровергает. Если в «Переулочках» из 95 строф 31 (33 %) не имеет глаголов, то в поэме «На Красном Конне» – только 1,5 % (2 строфы из 71). Насыщая глаголами поэмы «Молодец», «Царь-Деввица», М. Цветаева создает особую напряженность, движет сюжет произведений, не давая читателю опомниться: *Отпусти! Отзовись! / Мы рассказывать взялись! // Покачивает, раскачивает, / Как будто дитя укачивает // – Очнись! – Не хочу! / Пляша душу испуцу!*

Активны также такие глагольные формы, как *ждан* (от *ждать*), *знав*, краткие формы прилагательных *злат*, *бродяч*. Всё это свидетельствует о свободе обращения со словом и творческой активности автора, который использует все потенциальные возможности языка.

Важная роль в «правильном» озвучивании, а следовательно, и осмыслении текста принадлежит синтаксису и пунктуации. Расчлененность реализуется во внутрисловном членении, эллипсисе, парцелляции, сегментации, конструкциях с обращениями, которые обладают высокой экспрессивностью: *И навзничь! – Топчи, конный! // – Клянись, что тотчас – с мосту*. Эллиптические предложения приобретают семантическую неопределенность и многозначность, требуют сотворчества читателя. Сегментация связана с помещением «темы высказывания в независимую синтаксическую позицию»: – *Дворянин и спяну / Не лжет. – Грехи-беды! / – Закладывай сани! / – Избавь! – Сказал: еду!* Все это позволяет реконструировать важнейшие составляющие русского культурного пространства: русский максимализм, мистичность русской души.

Среди функционально-стилистического и семантического многообразия употребления знаков препинания наиболее значимо тире, чаще всего тире эмфатическое: *Поедем – поедем / К обедне – к обедне! / Покатим – покатим / К причастью – к причастью! // Об – ми – рай, / Сне – го – вей // «И – же хе – ру – вимы!» / Иг – ри – щем орлиным, / Ли – ствием гоним*. Наибольший эффект в образовании фактурных растяжений и наслоений дает растяжка слова – такой прием, когда с помощью дефиса (а иногда и тире) слово членится на сегменты: – *Полно – грудые! / Круто – плечие! / – Пона – думалось, / При – мерещилось!*

В четвертой главе «Поэтическое слово в «русских» поэмах Марины Цветаевой» исследуется поэтическое слово М. Цветаевой и его выразительность; определяется частотность и активность тропов и фигур речи, а также показывается, что поэтический язык – творческое воплощение потенций любого национального языка, в том числе и русского, и белорусского.

В «русских» поэмах М. Цветаевой можно выделить отдельные группы слов, несущих важную семантическую нагрузку и наиболее часто встречающихся в текстах поэм. Составленный нами частотный словарь языка «русских» поэм М. Цветаевой дает возможность выделить ряд ключевых слов, которые можно представить в виде лексико-семантических групп (ЛСГ), реализующих некоторый смысл как базу формирования поэтического образа. Например, значительную лексико-семантическую группу слов в поэмах составляют лексемы с общей семой «религиозное пред-

ставление», сюда входят слова *Бог, святой, ангел, храм, икона* и др. При этом мы учитываем и тот факт, что низкочастотные слова тоже не всегда малозначимы по сравнению с высокочастотными. Часто даже один глагол на две-три строфы может стать ключевым словом и нести огромную смысловую и эмоциональную нагрузку: *Уж такой ревнитель! / Всюду – враз – рука! / Что б дружочку прыти / Взять у ветерка? / «Дар ты мой обманный, / Клад непокупной! / Ровно столб туманный, / Аль дымок степной...».*

Благодаря разнообразным контекстуальным связям значение цветаевского поэтического слова чаще всего получает семантико-эстетическое приращение, становясь неравным словарному и вовлекая другие слова в общую образность текста. Так, в эпилоге одной из поэм она употребляет слово *ров* вместо *могилы*, в отличие от которой *ров* – открытое пространство. Черноте рва противопоставлен свет Восхода: *Сей страшен союз. – В черноте рва / Лежу, – а Восход светел. Чернота рва* – символ земной гибели, а свет Восхода расширяет это пространство до Лазури – ценностного Абсолюта.

Нам удалось выявить некоторые условия и закономерности смысловых приращений в исследуемых поэмах: 1) почти все ключевые слова изначально многозначны. Мы выделили, используя частотность, т.е. брали слова с частой встречаемостью 6-10 раз, более 100 активных в «русских» поэмах слов, которые являлись также ключевыми. Как правило, в них мерцали рудименты мифологического сознания и архаических ритуалов. Таковы *храм, дом*, моделирующие человеческий мир; *огонь* – символ разрушения и в то же время стихия, дающая свет и тепло. *Огонь* находится у истоков человеческой культуры, что просматривается в исследуемых поэмах; 2) зачастую контекст в данных поэмах генерирует смысловые приращения у слова; 3) слово становится настолько емким, что пробуждает в сознании читателя (интерпретатора) текста субъективные смыслы.

Характерными приемами увеличения семантической емкости цветаевского слова являются следующие: 1) выделение слова курсивом: *Веселись, пока веселый! / Над подвалами – престолы / Веселись, лик бледный, впалый! / Под престолами – подвалы!*; 2) двукратный повтор: *Стоните, стоните, стены!; Кони, кони! / Красные попоны!*; 3) интертекстуальность: *Эй вы кони мои / Сони мои / Собственные! / Нахлестанны! / Эй, вёрсты мои*; 4) использование полисемантизма и созвучия лексем: *В кухню женского обману / Поспешай, Самсон с Далилой! // Гони, робь, / Вперед лбом: / Мертвец с гробом за горбом! // Суженый! – Взгляни-ка взад, / Привыкай к своим хоромам: / Вдогон церковь с вором, с гробом, / С Богом, с громом!* 5) оживление внутренней формы слова: *Землицею шли, – / Солоны! / Солоницами – глазницы / ...*

/ Солоницею – землица, / Сколько хошь – соли!; б) анжамбеман: Голова моя! Ох, грохот – / жернова...».

Поэт использует тропы, которые становятся специфическим мостом между поэтом и читателем. Насколько глубоко мирозерцание автора, настолько выразительны и экспрессивны тропы, им использованные. В языке «русских» поэм М. Цветаевой, по нашим наблюдениям, наиболее частотны и активны следующие тропы: сравнение, метафора, эпитет.

Индивидуально-авторские метафоры Марины Цветаевой не похожи на обычные, традиционные, а представляют собой неожиданные объединения несовместимого. Метафора позволяет создать в краткой форме емкий образ, основанный на ярких ассоциациях. Например: *кровь или вал – стонет; кровь в жилах сжата; не бывало, чтоб смолью плакал дуб; река – радужну широту струит.*

Сравнение рассматривается М. Цветаевой как образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые важные свойства: *Бушевала над тобой – как в день судный! // Как змеи свищут косы // Как ременным кушаком сжата грудь.*

Можно выделить несколько структурных типов сравнений в «русских» поэмах М. Цветаевой. Самыми распространенными являются сравнения, соединяющиеся при помощи союзов и союзных слов **точно, что, как, будто, словно, ровно** и др. При этом акцент делается на союзы, союзные слова *точно, что*, которые широко используются в фольклоре: *У меня ль дружок – не пара, / Уборы – не хитрые? / Точно с лесенки упала.*

Чрезвычайно важную роль играет эпитет. Он всегда ярок, необычен, нестандартен: *золотой полк, полуночный пастух, кровавый филин, стальной луч, ревнивые руки.*

Наиболее активны в «русских» поэмах эпитеты-оксюмороны, тем самым складывается особая поэтика М. Цветаевой – гармония полярности, способом ее художественного видения становится антиномичность.

Нам удалось установить, что в поэмах наиболее активно используются следующие фигуры речи: анафора, эпифора, риторические вопросы, оксюморон. Они усиливают выразительность поэтического языка М. Цветаевой: *Прядает, прыщет, / Притопом, присвист / Пышечка! – Пищи! / Прищепот, прищел // Вьется из рук, / Бьется из рук, / Рвется из рук, / Льется из рук // Пляша от страшной красоты, / На красных факелов жгуты.* Поэт, «вплетая» в поэмы тропы и фигуры, создает свой неповторимо-эмоциональный языковой мир. Ее слово приобретает свой смысл во

фразе, сама фраза – в контексте абзаца, абзац – в контексте книги, книга – в контексте творчества (Л.С. Выготский), а творчество – в контексте национальной и мировой культуры.

Цель последнего раздела главы «**Поэт как творец и новатор языка: поэзия М. Цветаевой и параллельные процессы в белорусской поэзии (В. Жилка и В. Дубовка)**» – показать, что поэтический язык – воплощение потенций любого национального языка, в том числе и белорусского. Для этого выявляются потенциальные возможности языковых единиц, а также показывается, каким образом их реализация позволяет каждому поэту выразить свое понимание мира, свою философскую и эстетическую позицию. Все это доказывается на материале творчества М. Цветаевой, а также белорусских поэтов, современников М. Цветаевой, – В. Жилки и В. Дубовки, у которых наблюдается сходство не только в творчестве, но и в жизненных перипетиях.

Все три поэта настойчиво искали новые пути в поэзии. Подтверждение тому – случаи динамического словотворчества, окказиональный характер использования элементов словообразовательной системы языка, особенно богатое в области номинации, уникальность ассоциативных привязок и коннотативных значений, новая звуковая семантика: *І скрогат, і скарга, – ня скеміць, што скуль: / Вялізманны восенны вераск / Угрунь і угрунь, не для мэты пакуль, / Праз стромы, амишары, праз верас.* С одной стороны, их язык предельно раскован, приближен к разговорной речи, с другой – точен и емко. У всех трех поэтов язык как бы самоочищается, обретает новую энергию, проявляется музыкальная природа его звукообразов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Описание особенностей поэтического языка М.И. Цветаевой – это не только анализ языковых средств и приемов (тропов и фигур) на основе системно-функционального подхода, но и определение их места в национально-культурном контексте эпохи, попытка увидеть, как своеобразно «работает» ее язык. Это наименее разработанный аспект цветаеведения, а также теории поэтического языка.

1. Лингвокультурологический анализ помогает избежать односторонности и постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, он позволяет понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляются культура народа и мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции.

Анализ «русских» поэм, проведенный нами, позволил установить, что культура вплетается в текст по-разному: во-первых, культура проникает в текст через фольклорный материал, связь с которым была установлена как на уровне заимствования сюжета, так и на уровне фольклорного ритма, слов и выражений, построенных по фольклорным моделям (например, *булавочки-иглочки, вершок-аршин, горе-голова, грибы-грузочки, гусли-самозвоны*); во-вторых, через энциклопедические знания автора, проявляющиеся в интертексте; в-третьих, через мифологическое представление, которое становится приемом создания таинственного мира, трансцендентного к реальности (рудименты мифологического сознания и архаических ритуалов обнаруживаются в «русских» поэмах не только в виде устойчивых выражений и древнейших языковых формул, но и в полисемии; так, сюжетообразующую роль в поэме «Молодец» играет танец, круженье, «выкрут», восходящие к древнему ритуалу хоровода – *Не пожар тушу, / Свою смерть пляшу / С гикотом! С топотом!*; в-четвертых, через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности (*Конь, Огонь, Пожар, Радуга, Лазорь* и др.); в-пятых, через национально-культурные коннотации и вообще многомерную семантику поэтического слова (сквозь современное значение слова часто просвечивают древние значения: так, *разлука* содержит в своей семантике не только современное значение утраты, но и радость единения живых и мертвых, осуществляемая через ритуал, некий хоровод *жизни-смерти, встречи-разлуки*). Выявление путей проникновения культуры в «русские» поэмы – это и есть технология лингвопоэтического исследования.

2. «Русские» поэмы М. Цветаевой зарождались на основе интереса поэта к русскому фольклору. Но поэт не стилизует фольклор, а использует его образы в своих целях, и, сделав мифопоэтическое представление народа фактом своего индивидуального поэтического сознания, отражает фольклорными средствами собственное представление о мире.

«Русские» поэмы М. Цветаевой – это образец именно русской культуры с ее песенной стихией, эмоциональностью и душевной открытостью. Песенную стихию создают ее ритмы: (*Река – радужну / Широту струит / Видишь – матушка / На лужку стоит...*). Эмоциональность создается всеми языковыми средствами, например, фонетическими; почти каждое слово у М. Цветаевой – крик, оно звучит как набат.

Ритм и рифма являются важными средствами создания художественного образа в «русских» поэмах [1, 3, 4, 5, 10, 12, 14]. Ритм в исследуе-

мых поэмах играет смыслообразующую роль и наглядно воплощает динамическую смену событий. Пауза является полноценным элементом ритма, она может стоять в любом месте, зачастую просто обрывает речь на полуслове, сознательно оставляя стих неполным. Неожиданные рифмы, чаще неточные, способствуют передаче эмоциональной информации. Ритмы М. Цветаевой вместе с неточной рифмой создают диссонансы, «рваные» ритмы военных маршей, разрушительной музыки бездны, разделившей Россию как будто пропастью.

Все «русские» поэмы М. Цветаевой интертекстуальны, полифоничны, что усложняет их образную систему, становится проводником мысли и чувств автора, позиция которого диалогична как по отношению к лирическим героям, так и по отношению к читателю. При этом лирические герои ведут диалог не только между собой, но и с читателем, воздействуют на последнего как на суггестивном уровне (через полиметрии, повторы, незавершенности), так и на уровне прямого обращения к нему.

3. Врожденная способность Марины Цветаевой чувствовать язык и культуру своего народа позволила ей остаться в рамках традиции, но внести максимум собственного, нестандартного, органически вплетая индивидуально-авторское в фольклорную канву. Анализ «русских» поэм показывает, что М. Цветаева интуитивный лингвист и интуитивный историк языка. Поэтому поэзия Цветаевой дает богатейший материал для изучения потенциальных возможностей русского слова, возможностей языка. Одной из ведущих черт ее идиостиля является поэтический эксперимент: познание потенциальных возможностей слова становится одновременно и познанием поэтической действительности. Именно словообразовательные окказионализмы – важнейшая составляющая языкового эксперимента поэта (*всколыбнуться, глубизна, головит, ликователь*). Окказиональное словообразование М. Цветаевой ставит перед исследователями немало проблем, обсуждение которых может быть полезно как для теории словообразования, так и для изучения поэтического языка в целом. Узуально нейтральные слова выполняют в ее поэмах чаще всего функцию коммуникативной связки, в то время как окказионализмы, индивидуально-авторские инновации являются маркерами символической ёмкости текста, его особого нравственно-эстетического потенциала.

4. Работа над словом, стремление «докричаться до смысла» приводит к тому, что в творчестве Цветаевой особую смысловую нагрузку получили единицы всех уровней языка: фонетического, лексического, морфемного, грамматического [1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15].

В результате анализа мы можем констатировать, что именно звучание слова оформляет основной замысел поэм. Звук усиливает впечатления, возникающие от семантики слова. М. Цветаева стремится извлечь мелодию из сочетания звуков. Наиболее распространенной формой звукового построения в «русских» поэмах выступает аллитерация, проявляющаяся в подборе и повторе слов с характерными звуковыми комбинациями. Языковая ткань поэм построена на контрастах, на синтагматическом сближении однокоренных слов или слов, образованных от фонетически близких корней, при этом отдельные слова выделяются настойчиво, даже нарочито: *Пляшет. Плачет / Плачет. Пляшет / Вплавь. Вскачь / Все в раз! / Пляс. Плач / Плач / Пляс.*

М. Цветаева использует сочетание шипящих и свистящих согласных: *Час – тысячегруд, / Час – тысячеуст.* Здесь сочетание звуков [ч], [с], [т] ассоциируется с боем часов, которые вот-вот пробьют роковую полночь, когда цветок превратится в девушку. Шорох ночи, шепот влюбленных сплетаются воедино, создавая виртуальный мир Марины Цветаевой. Но постепенно эти звуки начинают выполнять иную функцию: глухие зло «шипят и свистят», создавая тревожное настроение, ассоциируясь с предстоящей бедой, как бы накликают ее. Особенно это слышится в описании плясок: *Пляши, Маша, / Пляши, Глаша, / Да по-нашенскому / – Эх! / Моя – краше, / Твоя – краше, / А у гостя – краше всех!* Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в «русских» поэмах М. Цветаевой образный смысл манифестируется морфолого-фонетическими средствами, в то время как в ранних ее произведениях – лексическими средствами.

5. Философская позиция М. Цветаевой, поэта «с этой безмерностью в мире мер», отразилась в следующих чертах ее поэтики: поэтический язык построен «на созвучиях», повторе, паронимической аттракции, а также на особом сочетании славянизмов, библеизмов, окказионализмов, олицетворений, метафор, оксюморонных сочетаний, инверсии и переносов. Поэтика Цветаевой – это поэтика изменчивости, превращений, поэтика контраста, поэтика предельности (на что указывали и другие авторы, например, Л.В. Зубова, И.В. Кудрова), предел в данных поэмах – это условие перехода в иное состояние, в Лазурь, понимаемую М. Цветаевой как райское место (см. *лазорь* и *лазурь* как пример превращения цветообозначения в символ потустороннего мира). Все это проявляет себя в ее поэтическом слове, а также на уровне тропов и фигур.

6. Языкотворчество М. Цветаевой тесно связано и с ее личностью, и с эпохой (революцией, гражданской войной), давшей толчок быстрому разви-

тию национальных языков, в том числе и белорусскому. Не только внутренние причины, но эпоха, культура побудили и ее, и белорусских поэтов-современников к языкотворчеству. Наше исследование дает основания заключить, что такое явление в культуре, как поэт-новатор, характерно в целом для восточнославянской поэзии 20-х гг. XX в., что показано на примере творчества поэтов – современников М. Цветаевой – В. Жилки и В. Дубовки.

Рекомендации по практическому использованию результатов

1. Результаты диссертации способствуют дальнейшей разработке проблематики поэтического языка вообще и цветаеведения в частности; наша работа также имеет существенное значение для поэтической лексикографии, например, для составления различного типа словарей поэтического языка.

2. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания спецкурсов и спецсеминаров, при изучении курсов «Стилистика художественной речи», «Лингвистический анализ текста», «Лингвокультурология».

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ

Статьи в научных журналах

1. Крицкая, Н.В. Лингвопоэтический аспект поэмы Марины Цветаевой «Молодец» / Н.В. Крицкая // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – №2 (40). – С. 98–103.
2. Крицкая, Н.В. Поэт как творец и новатор языка: поэзия М. Цветаевой и параллельные процессы в белорусской поэзии / Н.В. Крицкая // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – № 4(42). – С. 83–89.
3. Крицкая, Н.В. Рифмо- и ритмомелодическая организация «русских» поэм М. Цветаевой / Н.В. Крицкая // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2007. – № 1(26). – С. 145–149.

Материалы и доклады конференций

4. Крицкая, Н.В. Специфика языковых средств поэмы М. Цветаевой «На Красном Коне» / Н.В. Крицкая // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Смоленск, 16–17 апреля 2002 г. / Смоленский гос. пед. ун-т; редкол.: И.А. Королева. – Смоленск, 2002. – С. 288–293.
5. Крицкая, Н.В. Специфика языковых средств в поэме М. Цветаевой «Молодец» / Н.В. Крицкая // Марина Цветаева: Эпоха, культура, судьба: X цветаевская международная научно-тематическая конференция, Москва, 9–11 окт. 2002 г. / Москва. Дом-музей Марины Цветаевой; редкол.: И.Ю. Белякова [и др.]. – М., 2003. – С. 358–364.
6. Крицкая, Н.В. Любовь в поэмах М. Цветаевой: гендерный аспект / Н.В. Крицкая // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: материалы Первой международной научной конференции, Новополоцк, 28–29 ноября. 2002 г. / Полоцкий гос. ун-т; под ред. А.А. Гугнина. – Новополоцк, 2002. – С. 111–112.
7. Крицкая, Н.В. Поэтика женского образа в поэме М. Цветаевой «На Красном Коне» / Н.В. Крицкая // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы II Международной научной конференции, Мозырь, 26–27 марта 2003 г. / Мозырьский гос. пед. ун-т; редкол: С.Б. Кураш, О.И. Ревуцкий, В.Ф. Русецкий. – Мозырь, 2003. – Ч. 2. – С. 69–71.
8. Крицкая, Н.В. Марина Цветаева в Польше и Беларуси / Н.В. Крицкая // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: матэрыялы IV міжнароднай навуковай канферэнцыі, Віцебск, 15 – 17 мая 2003 г. / Віцебскі дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава; пад рэд. Л.М. Вардамацкага, Г.М. Мезенкі. – Віцебск, 2003. – С. 193–194.

9. Крицкая, Н.В. Проблема смысла жизни в поэме М. Цветаевой «Молодец» // Век и вечность: Марина Цветаева и ее адресаты: сборник научных трудов. Череповец, 30 июня-2 июля 2003 г. / Череповецкий гос. ун-т: редкол.: С.Ю. Лаврова [и др.] – Череповец, 2004. – Ч. 2. – С. 142–146.

10. Крицкая, Н.В. Поэма М. Цветаевой «На Красном Конне»: некоторые аспекты лингвопоэтики / Н.В. Крицкая // «Чужбина, родина моя!» Эмиграционный период жизни М. Цветаевой: XI цветаевская международная научно-тематическая конференция, Москва, 9–11 окт. 2003 г. / Москва. Дом-музей Марины Цветаевой; редкол.: И.Ю. Белякова [и др.]. – М., 2004. – С. 286–293.

11. Крицкая, Н.В. Сравнение в «русских» поэмах М.И. Цветаевой / Н.В. Крицкая // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Смоленск, 30–31 марта 2004 г. / Смоленский гос. пед. ун-т; редкол.: И.А. Королева. – Смоленск, 2004. – Ч. 2. – С. 19–22.

12. Крицкая, Н.В. Стихия звука в «русских» поэмах М. Цветаевой / Н.В. Крицкая // Стихия разума в жизни и творчестве М. Цветаевой: XII цветаевская международная научно-тематическая конференция, Москва, 9–11 окт. 2004 г. / Москва. Дом-музей Марины Цветаевой; редкол.: И.Ю. Белякова [и др.]. – М., 2005. – С. 346–351.

13. Крицкая, Н.В. «Русские» поэмы Марины Цветаевой в контексте культуры / Н.В. Крицкая // Проблемы истории литературы: сборник статей / Полоцкий гос. ун-т, Московский гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова; под ред. А.А. Гугнина. – Москва – Новополюцк, 2004. – Вып. 18. – С. 312–314.

14. Крицкая, Н.В. Анализ поэмы-сказки М.И. Цветаевой «Царь-Девница» / Н.В. Крицкая // Материалы II Международной научной конференции, посвященной памяти О.В. Озаровского, Могилев, 25–26 марта, 2005 г. / Могилевский гос. ун-т им А.А. Кулешова; редкол. Е.Е. Иванов [и др.]. – Могилев, 2005. – С. 94–96.

15. Крицкая, Н.В. Поэтическое слово Марины Цветаевой / Н.В. Крицкая // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зборнік навуковых артыкулаў / Віцебскі дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава; пад рэд. Г.М. Мезенкі. – Віцебск, 2006. – С. 259–260.

РЕЗЮМЕ

Крицкая Наталья Викторовна

Лингвистическая поэтика «русских» поэм Марины Цветаевой

Ключевые слова: поэтика, лингвокультурологическая поэтика, паронимическая аттракция, ассонанс, аллитерация, тропы и фигуры.

Цель исследования – определить специфику языковых средств и приемов «русских» поэм М. Цветаевой, новаторство и традиции в использовании языка, найти аналогии языкотворчества в белорусской поэзии этого периода, установить основные характеристики лингвокультурологической поэтики данных поэм.

Методы исследования – основные методы исследования художественного текста – описание, анализ, интерпретация. Так, анализ затрагивает различные уровни функционирования языковых единиц – фонетический, лексический, морфемный, морфологический, синтаксический, а также стилистический анализ на уровне тропов и фигур.

Методом сплошной выборки и ранжирования по частоте составлялся частотный словарь и словарь новообразований; для анализа семантики поэтического слова использовался метод компонентного и элементы дистрибутивного анализа; для установления определенных отношений между словами использовались элементы психолингвистического анализа; широко использовались общенаучные методы – наблюдения и описания.

Полученные результаты и новизна. Диссертационное исследование является первой попыткой системного описания языковых средств «русских» поэм Марины Цветаевой, которые в совокупности не исследовались. Кроме того, в диссертации обоснована необходимость построения лингвокультурологической поэтики, которая представляет собой интегративную поэтику, включающую не только литературоведческую и лингвистическую поэтики, но и видение поэзии сквозь призму культуры; именно с позиций лингвокультурологической поэтики дан анализ «русских» поэм. Новизна видится нам также в сопоставлении языка «русских» поэм и аналогичных средств и приемов в языке белорусских поэтов в этот же период. Полученные результаты способствуют дальнейшей разработке проблематики поэтического языка. Исследование языка «русских» поэм имеет существенное значение для поэтической лексикографии.

Практическая значимость исследования и область применения исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания спецкурсов и спецсеминаров, при изучении курсов «Стилистика художественной речи», «Лингвистический анализ текста», «Лингвокультурология», а также в лексикографической практике (при сопоставлении различного типа словарей поэтического языка).

РЭЗІЮМЭ

Крыцкая Наталля Віктараўна

Лінгвістычная паэтыка «рускіх» паэм Марыны Цвятаевай

Ключавыя словы: паэтыка, лінгвакультуралагічная паэтыка, паранімічная атракцыя, асананс, алітэрацыя, тропы і фігуры.

Мэта даследавання – даследаваць моўныя сродкі і прыемы «рускіх» паэм М. Цвятаевай, наватарства і традыцыі ў выкарыстанні мовы, знайсці аналогіі моватворчасці ў беларускай паэзіі гэтага перыяду, устанавіць асноўныя характарыстыкі лінгвакультуралагічнай паэтыкі дадзеных паэм.

Метады даследавання – асноўныя метады даследавання мастацкага тэксту – апісанне, аналіз, інтэрпрэтацыя. Так, аналіз закранае разнастайныя ўзроўні функцыянавання моўных адзінак – фанетычны, лексічны, марфемны, марфалагічны, сінтаксічны, а таксама стылістычны аналіз на ўзроўні тропаў і фігур.

Метадам суцэльнай выбаркі і ранжыравання па частаце складаўся частотны слоўнік і слоўнік новаўтварэнняў; для аналізу семантыкі паэтычнага слова выкарыстоўваўся метады кампанентнага і элементы дыстрыбутыўнага аналізу; для ўстанаўлення пэўных адносін паміж словамі выкарыстоўваліся элементы псіхалінгвістычнага метаду; шырока выкарыстоўваліся агульнанавуковыя метады – назірання і апісання.

Атрыманыя вынікі і навізна. Дысертацыйнае даследаванне з’яўляецца першай спробай сістэмнага апісання моўных сродкаў «рускіх» паэм Марыны Цвятаевай, якія ў сукупнасці не даследваліся. Акрамя таго, у дысертацыі абаснавана неабходнасць пабудовы лінгвакультуралагічнай паэтыкі, якая ўяўляе сабой інтэгрэтыўную паэтыку, уключаючую не толькі літаратурнаўчую і мовазнаўчую паэтыкі, але і бачанне свету праз прызму культуры; менавіта з пазіцыі культуралагічнай паэтыкі дадзены аналіз «рускіх» паэм. Навізна бачыцца нам таксама ў супастаўленні мовы «рускіх» паэм і аналагічных працэсаў у мове беларускіх паэтаў у той жа перыяд. Атрыманыя вынікі садзейнічаюць далейшай распрацоўцы праблематыкі паэтычнай мовы. Даследаванне мовы «рускіх» паэм мае істотнае значэнне для паэтычнай лексікаграфіі.

Практычная значнасць даследавання і галіна прымянення даследавання складаецца ў тым, што яго вынікі могуць быць выкарыстаны ў практыцы выкладання спецкурсаў і спецсемінараў, пры вывучэнні курсаў «Стылістыка мастацкай рэчы», «Лінгвістычны аналіз тэкста», «Лінгвакультуралогія», а таксама ў лексікаграфічнай практыцы (пры складанні рознага тыпу слоўнікаў поэтычнай мовы).

SUMMARY

Kritskaya Natalia

Linguistic poetics of Marina Tsvetaeva's "Russian" poems

Key words: poetics, linguaculturological poetics, paronymic attraction, assonance, alliteration, occasional words, language instruments and figures of speech.

Research objective: to investigate language instruments and methods revealed in Marina Tsvetaeva's "Russian" poems, to uncover new approaches and traditions in language usage, to show similarities in language usage fixed in Belarusian poetry of this period, to reveal the main characteristics of linguaculturological poetics of the poems.

Research methods: basic text research methods – description, analysis, interpretation. Various language levels are analyzed: phonetical, morphemic, morphologic, lexical and syntactical units, stylistical metaphors and figures of speech are also analyzed. By the means of entire sampling and frequency ranking the dictionary of frequent and new units is arranged. Componential analysis and some elements of distributional analysis are used to research poetic semantics. In order to set word connections psycholinguistic method is applied. Universal research methods such as observation and description are also generally used.

Research results and scientific novelty: the thesis is the first attempt to describe language instruments and methods revealed in Marina Tsvetaeva's "Russian" poems that haven't been analyzed systematically yet. The necessity of modelling linguaculturological poetics which represents integrational poetics is grounded. From the position of linguaculturological poetics the analysis of "Russian" poems is offered, including not only study of literature and linguistic poetics but also vision of poetry through the prism of culture. The novelty is presented in comparison between "Russian" poems language and analogous instruments and methods in Belarusian poets' language at the same period of time. The thesis findings contribute to further poetic language research. The research of "Russian" poems is very significant for poetical lexicography.

Research results application: research results can be used in practice of teaching special seminars and special courses, studying such disciplines as «Stylistic of Artistic Speech», «Linguistic Analysis of Text», «Linguaculturology», also in the lexicographic practice (at drafting of different type of dictionaries of poetic language).